

Анна Старобинец

Правила

Правила "черные трещины в асфальте" диктовали свои условия. Они были угрозой. Они попадались слишком часто и нарушали весь ритм. Саша быстро семенил по улице, засунув потные руки в карманы джинсов; ему нужно было идти так: четыре коротких шага – пятый через трещину, наступить на правую ногу, снова четыре шага – и снова черная, обгрызенная по краям полоса, наступить левой. Только вот трещины встречались и на третьем, и на втором шаге, и Саша резко тормозил, спотыкался, судорожно менял ногу, но все равно часто перешагивал не той ногой и в ужасе спешил дальше, стараясь только краем глаза отмечать трещины, но ни в коем случае не заглядывать в них, не видеть забившиеся внутрь фантики, осколки, монеты и ростки пыльной, заляпанной машинным маслом травы. Видеть только черные полосы, резкие границы, к которым ему не дозволено прикасаться.

В метро Правила неожиданно изменились. Ровные квадраты абрикосовых плиток, устилавших перрон, играли в другую игру. На их края, наоборот, нужно было становиться, причем так, чтобы они приходились ровно на середину подошвы. Двигаться стало проще: полосы теперь встречались часто, но регулярно, и к ним можно было приноровиться. Где-то на полпути квадраты вдруг выпустили Сашу из своей цепкой геометрической хватки. И беззвучный голос, который управлял игрой, который никогда не ошибался, – этот голос, почти ласково, подтвердил: перерыв, абсолютная свобода, *можешь идти, как хочешь*. Саша доверчиво снял ногу с границы и пошел дальше вприпрыжку, стараясь смотреть только вверх или по сторонам. Отец взял Сашу за руку, они переступили через узкую темноту между платформой и дверью поезда и вошли в вагон.

На обед были кислые щи и картошка с осетриной. Тяжелый рыбный запах в сочетании со скрипичным радиоконцертом обычно вызывал у матери ощущение домашнего уюта. У отца – прилив необъяснимой тоски (в то время как картошка с грибами, напротив, повышала настроение) и острое желание сделать телефонный звонок. Саша не любил рыбу. Но поскольку в ней содержался фосфор, рыба входила в список обязательных обеденных пыток.

Саша аккуратно прощупывал языком рыбную кашицу за щеками – в поисках незамеченных костей, которые могут случайно проткнуть пищевод, а потом по кровеносным сосудам дойти до сердца. Затем разделял пережеванный комок на маленькие порции и нерешительно глотал.

– Саня, не раскачивайся на табуретке! У нее из-за этого отвинчиваются ножки, – раздраженно прикрикнула мать и немедленно повернулась к мужу: – Что ты делаешь? Ты прекрасно знаешь, что рыбные кости мы кладем в левую помойку. В правую мы кладем только то, что можно давать соседским собакам.

С покорной улыбкой отец засунул пятерню в обрезанный пакет из-под кефира – для мелкого пищевого мусора – и выгреб обратно рыбные кости. Благодушное выражение сходило с его лица крайне редко. Во-первых, само лицо – круглый, гладко выбритый блин с пухлыми добрыми губами – к тому располагало. Во-вторых, десятилетняя тренировка. С первого дня своей семейной жизни отец твердо придерживался учения Дейла Карнеги: улыбайся. У него была обаятельная улыбка.

Во время чая зазвонил телефон.

– Саша, сними трубку, тебе ближе.

Саша выждал ровно четыре звонка и сказал: "Вас слушают" – на отцовский манер.

– Алло? Алло? – сквозь слабый треск сладко чирикал чужой женский голос. – Пожалуйста, позови к телефону папу.

С хрустом дожевывая кусок вафельного торта с орехами, отец прислонил довольное лицо к трубке:

– Вас слушают. Нет, вы не туда попали. Да, попробуйте позвонить по другому номеру.

Через пять минут “К Элизе” тоскливо занудела из кармана отцовских брюк.

– Что ж такое, задержали совсем... Да, вас слушают! Здассуйте, Виктор Алексеич! Да, все документы я подготовил... Ну, если очень срочно, могу передать и сегодня...

Отцовский голос стих за плотно прикрытой дверью кухни. Мать с грохотом накрыла крышкой кастрюлю с супом и убрала на нижнюю полку холодильника.

Саша лежал на спине с закрытыми глазами. На спине он засыпать не умел, но Правила запрещали сразу ложиться на бок. Сначала на спину. Кроме того, ему еще нужно будет встать. И включить свет – когда родители уйдут к себе в комнату и не смогут заметить преступную желтую полосу под дверью детской. Уже больше одиннадцати, и по правилам, которые четко соблюдает все семейство, Саше полагается спать. По другим Правилам ему нужно встать. Чтобы посмотреть, правильно ли стоит на подоконнике ваза. Раньше такого не было – по ночам Игра всегда прекращалась. Но в последнее время стало случаться все чаще. При электрическом свете какие-то предметы ускользали от Сашиного внимания. Потом, когда все погружалось в темноту, они неожиданно, вместе с липкой волной холодного пота, вместе со стуком сердца, заявляли о себе. Они *могли стоять неправильно*. Причем уже давно. Иногда на память приходили предметы, которые он не поправлял уже несколько дней. Если их так и оставить – что-то случится. Что-то страшное и *конечное*, что-то, что сделает кошмаром его жизнь и полностью нарушит ход вещей. Если поправить с опозданием – будут обычные неприятности. Если поправить вовремя – ничего не случится. Поощрения не были предусмотрены в Правилах. Только наказания. Только постоянный страх главной Ошибки.

Сейчас ваза очень тревожила его. Перед сном Саша проверил, как она стоит, но теперь ему стало казаться, что ее все-таки нужно было сдвинуть чуть-чуть левее. Самую малость. Он встал и нажал на выключатель. Ваза стояла почти правильно. Но к ней обязательно нужно было прикоснуться. Чтобы сдвинуть влево на какую-то тысячную долю миллиметра. Саша быстро дотронулся до вазы справа и вернулся в постель.

Уже засыпая, уже на боку, он вдруг почувствовал, что что-то еще в его комнате останется неправильным и непоправимым, если сейчас он позволит себе заснуть.

Снова встал и зажег свет. Оглянулся и чуть не закричал от ужаса. Его книги, его тетради, учебники, фотографии, картина на стене, фарфоровая балерина, календарь, ручки, скрепки, компьютерная клавиатура, магнитофонные кассеты, одеяло на кровати, еще повторяющее очертания его тела, – все было неправильно. Более чем неправильно. Это был хаос, беспросветный и агрессивный, кошмарная глумливая шутка оживших вещей. Настоящая война, затеянная карандашами, ластиками, пятнами на полу, занавесками на окнах, тенями на стенах.

Пару секунд простояв неподвижно – белая майка, полосатые трусы, мурашки по коже, – Саша принялся судорожно расставлять по местам. Менять местами. Двигать на сантиметр. На миллиметр. Прикасаться.

– Почему ты не спишь в такое время? Что происходит? – Мать стояла на пороге детской, недобрая и усталая без грима.

– Ищу тетрадку для контрольных, – промямлил Саша едва слышно и, подбежав к матери, повис у нее на шее. Холодными губами уткнулся в пучок красных, пахнущих потом и кислой капустой волос. Рукой незаметно поправил уродливую, с бисером, заколку. Аккуратно дотронулся пальцем слева. Спас маму.

Улегся и через полчаса вскочил снова – оставалось еще кое-что закончить. Потом подумал про мать с отцом, как они спят в другой, наверняка неправильной, комнате. Выждал еще немного. И, ступая ледяными ногами по паркету, направился к ним. Медленно открыл дверь. Включил свет. И бросился к серванту, к книжным полкам, к стопке журналов – пока

еще было время, пока мать, заслоняясь рукой от света, не могла разглядеть, что он делает; пока отец не вскочил и не оторвал его, визжащего, мокрого от слез и слюней, от оконных жалюзи, которые нужно было, необходимо было сдернуть с окна.

На следующее утро мать заставила его подробно рассказать про Игру. И каким-то ее словам, жалким и ласковым словам, уверенным словам, металлическому призыву ее голоса – удалось заглушить тот другой, беззвучный Голос, которого вот уже больше года слушался Саша. Уклоняясь от липких материнских поцелуев и назойливых рук, которые все пытались погладить его по щеке, Саша с облегчением соглашался, что да, никаких Правил нет, их придумал он сам. И что теперь нужно просто перестать соблюдать их – вот и все.

Без Правил привычная потрескавшаяся дорога в школу оказалась пыткой еще большей, чем с ними. Съезживаясь под своим рюкзачком, Саша наступал на кривые черные линии и чувствовал, что, возможно, убивает кого-то, неминуемо приближает какую-то страшную катастрофу. На обратном пути стало уже легче. Через пару дней трещины еще не казались ему просто трещинами, но уже казались безвредными, поверженными врагами. Он наступал на них нагло и не без злорадства. Он знал, что, наверное, мучает их тем, что отказывается играть. Но Судья, кажется, уже безоговорочно присудил победу в этой Игре ему. Никто не наказывал его за несоблюдение Правил. Не было грома. И не было молний.

Первый вечер без Правил Саша провел беспокойно. Не меньше сотни предметов беспорядочно толпились на столе, на шкафу, на полках и подоконнике и, удивленные его пренебрежением, безнаказанно занимали самые неправильные позиции. Дождавшись темноты, они стали угрожать. Они кривлялись и намекали на то, что главная Ошибка уже сделана. И что ее неизбежный, необратимый итог наступит скоро, уродливо исказив мир. Это не будет одна из тех понятных, уютных бед, про которые мама говорит “пришла неожиданно-негаданно”. Нет. Просто события, на первый взгляд мелкие, неважные и даже приятные, вот-вот сложатся – уже начали складываться – в страшную, змеевидную цепочку, которая приведет к Катастрофе, а потом к Концу.

Саша сдернул с себя край одеяла, но остался лежать. Встать сейчас – значит признать свое полное поражение. Или, если верить маме, заболевание. Свою трусость. Ведь, в сущности, что может быть глупее, чем вскакивать из теплой постели, чтобы передвинуть пенал сантиметров на пять-шесть?

Чтобы успокоиться, Саша залез холодной влажной рукой в трусы. Медленно потер яички. Считая до трех. Остановился. Снова потер – остановился на счет “три”. И еще – раз, два... И вдруг в ужасе выдернул руку, съезжился, глотая слезы и часто дыша. Эту часть Игры он забыл отменить. Считать до трех теперь совершенно необязательно. Нельзя.

Когда Саша вернулся домой из школы, ему сначала показалось, что на кухне подвывает собака – может быть, она опять сбежала от соседки, которая ее плохо кормила, и каким-то образом проникла к ним в квартиру. Он слегка приоткрыл дверь и опасливо заглянул в узкую щелочку. Саша боялся собак. И никогда к ним не прикасался, чтобы параличный клещ, который водится в собачьей шерсти, не мог залезть в Сашины пальцы и сделать его тело неподвижным на всю жизнь. И еще – чтобы не подцепить бешенство, от которого на губах всегда будет пена.

В щелочку собаку не было видно. Наверное, она забилась в угол. Или за холодильник. Саша открыл дверь шире и бочком протиснулся в кухню. Собаки не было. В углу за столом сидела мать. Ее глаза были плотно зажмурены; она странно покачивалась из стороны в сторону, размазывала рукой влажно-розовое пятно помады вокруг губ и скулила.

Саша испугался. Неуклюже шархнул обратно к двери, локтем задел чашку с чаем, стоявшую на столе. Бурая холодная жидкость залила ему руки и свитер. Мать открыла глаза, посмотрела на мутные капли и сказала:

– Наш папа умер.

Саша повернулся и пошел в ванную. И очень тщательно, десять раз вымыл руки с мылом – хотя и не гладил собаку.

На похоронах мать не плакала. И потом тоже. Саша понимал, что ей мешает плакать мертвая женщина, чье искореженное тело вытащили вместе с телом отца из разбитой машины, пахнувшей духами и кровью.

Отца хоронили в закрытом гробу, поэтому Саша так и не смог посмотреть, правильно ли он там лежит.

По дороге домой Голос, который молчал вот уже полгода, послышался вновь. Он был очень тихим. Он пожалел Сашу. Но сказал, что Саша сам во всем виноват. Грустно и укоризненно он объяснил Саше новые Правила Игры. Они были куда сложнее, чем раньше.

После поминок, проводив гостей, мать села в кресло и просидела там неподвижно до вечера. Когда в комнате стало темнеть, Саша медленно, чтобы успеть досчитать до семи, подошел к ней и сказал:

– Мама, ты неправильно сидишь.

Она не пошевелилась. И ничего не ответила.

Саша пошел на кухню и достал из ящика нож – тот, который лежал левее. С деревянной ручкой. Потом вернулся в комнату и сказал:

– Мама, ты неправильно сидишь.